*А.И. Бардаков,*
*кандидат философских наук, доцент*

# КОГНИТИВНОСТЬ САМОУПРАВЛЕНИЯ

В отечественной культуре сложилась практика, когда общественно значимые явления впервые обозначаются в творчестве мастеров духовного производства, а затем начинают обсуждаться в научной аудитории.

Ф.М. Достоевский считал, что человечество обретет счастье вовсе не путем изменения общественного устройства. Сравнение аморальности, цинизма Государя Н. Макиавелли и главного героя «Бесов» Верховенского приводит к выводу, что «Макиавелли и его Государя оправдывает стремление вывести общество из хаоса… Герой «Государя»… политик-созидатель. Главный персонаж «Бесов» – разрушитель, деструктивная личность, совершенно не способная к созидательным акциям, к позитивной социальной и политической деятельности»[1]. Такой вывод обусловливает вопрос: почему один безнравственный индивид может быть созидателем, а другой нет? Конечно, социальный статус Государя Н. Макиавелли трудно соотносим с литературным героем Верховенским, который не имеет подобного статуса, но тогда возникает другой вопрос. Почему реально действующие монархи России второй половины XIX – начала XX вв. не прислушались к наставлениям Макиавелли?

На наш взгляд, потенциал российских государей XIX–XX вв. как субъектов не был исчерпан, а тот факт, что не Романовы, а Ульяновы и Джугашвили стали использовать новые формы управления, власти, свидетельствует, что «государи-большевики» лучше знали, чем «государи-монархи», закономерности развития управления и строго следовали заветам Макиавелли. Природа управления такова, что оно должно в своем развитии обрести некую абсолютность не только во всех сферах общественной жизни, но и проникнуть во все «поры» индивидуального бытия, тем самым обнаруживая свою абсурдность. А это обусловливает необходимость самоуправления.

Абсолютная власть не знает ограничений, подчиняет людей с помощью силы, но главное – разрушает, а не созидает. Рассмотрение причин абсолютизации власти, обобщение социальных проблем в творчестве Ф.М. Достоевского приводит к трем выводам.

[1] *Бачинин В.А.* Власть и преступление в политической криминологии Достоевского// Полис. 2000. №5. С. 161.

Во-первых, «природа человека такова, что даже цивилизация не в состоянии изменить ее к лучшему. Человек остается агрессивным и жестоким, каким он был в эпоху варварства»[1]. Впрочем, человека эпохи варварства, где доминирует природная составляющая, неправомерно рассматривать на социальном исследовательском поле. В контексте гуманизма противоестественным, жестоким можно обозначать действие, которое не было востребовано сохранением жизни варвара. Если же действие было обусловлено необходимостью выживания, то оно было естественным, а не агрессивным и жестоким. При доминанте социальной составляющей индивида, где угроза жизни минимизирована, навык сохранения агрессии, жестокость естественного характера утрачивается. Активная позиция индивида или общества по развитию своей социальности является благом, добром, но абсолютизация социального статуса, завоевание высоких социальных позиций внутри общества, на международной арене часто сопровождается агрессией, жестокостью.

Во-вторых, «дьявол объективно не существует, и создало его человеческое воображение, сотворив его по образу и подобию человека»[2]. «Дьявол» – явление социального порядка, которое состоит из противоестественного, асоциального и антигуманного начал. Нерасчлененность асоциального и антигуманного начал дьявола, его действий в бытии социальном и бытии человеческом приводит исследователей в тупик. Тем не менее это объяснимо. Существующие в обществе субъектно-объектные отношения обусловлены в конечном счете обменом труда. Всякий субъект, успешно содействующий удовлетворению потребностей конкретной социальной группы, является для нее олицетворением добра, справедливости и гуманизма. Однако для других групп, у которых забирается труд, а порой и жизнь, такой субъект управления является дьяволом. Таким образом, дьяволом выступает не человек, а общественное существо, которое в большинстве случаев занимается организацией жизни людей, т. е. является субъектом управления в социальной системе.

В-третьих, мастера духовного творчества, в том числе Достоевский, обнаруживают в практике человечества не только зло, но и добро. Когнитивные погрешности при построении теоретических концепций власти, управления нередко возникают в связи с использованием категориального аппарата, соотносимого с человеческой составляющей индивида. Категории «зло», «добро», «справедливость» вполне уместны при исследовании человеческой составляющей индивида,

---

[1] *Бачинин В. А.* Социология и метафизика в творчестве Ф. М. Достоевского// Социс. 2000. №3. С. 99.

[2] Там же.

где обустройство жизни осуществляется в формах самоуправления. При познании же власти и управления использование категории «добро», «зло» некорректно, ведь всякая власть обретается в борьбе, поэтому ее носители и саму власть и формы правления трактуют как добро, а потерпевшие поражение рассматривают все это как зло.

Власть – компонент социализации индивида, в системе социальных отношений она всегда остается необходимостью, поэтому она не может быть просто «дурной» или «хорошей». Одно дело, если власть перестает быть востребованной, а управление утрачивает эффективность, что приводит к стагнации, деградации социальной системы. И другое дело, если субъект пытается управлять при доминанте естественной или человеческой составляющей индивида, что предполагает наличие форм самоорганизации или самоуправления. В жизни современных местных сообществ, отдельных индивидов есть масса взаимосвязей, где власть уже не востребована.

Несомненно, человек изначально имеет склонность к удовольствиям, порокам и страстям. В концепции антропогностики носителем этих пороков является общественное существо, которое не обладает полнотой человеческих качеств, т. е. совокупность его человеческих качеств не доминирует над его социальной составляющей. Видимо, более корректно говорить о том, что дикость, варварство в условиях доминанты социальных отношений обнаруживают свою порочность, а с социальностью происходит это же самое в условиях становления человеческих отношений. Соответственно, уровень социальных отношений определяет формы кратии, а человеческие отношения и формы самоуправления взаимообусловлены.

Проблемами подобного рода был обеспокоен В.С. Соловьев. По его мнению, «в политике христианских народов доселе царствуют безбожная вражда и раздор… В общей жизни человечества царство зла и раздора есть факт»[1]. Русский мыслитель пытается определить причины этих негативных явлений. Он осуждает современную ему цивилизацию за стремление «…организовать человечество вне безусловной религиозной сферы, утвердиться и устроиться в области временных, конечных интересов»[2]. Расценивая отказ человечества от доминанты религиозной сферы в организации своей жизни как основную причину его бед, он предлагает России «…подчинить власть государства (царственную власть Сына) авторитету Вселенской Церкви (священству Отца) и отвести подобающее место общественной свободе (действию Духа)»[3]. В данном предложении наряду с наивностью присутству-

[1] *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 264.
[2] Там же. С. 6.
[3] Там же. С. 245.

ет глубокая мысль. Наивность состоит в том, что изменение государственной (светской) формы власти на духовно-религиозную форму не меняет сущности власти. Позитивный же момент состоит в том, что автор связывает дальнейшее поступательное движение человечества с развитием его духа.

Обращение Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева к духовно-религиозной грани социального бытия закономерно, так как в этом «пространстве» концентрировалось максимальное количество человеческого.

Мыслитель второй половины XIX в. К.Н. Леонтьев, размышляя об устройстве существующих и будущих обществ, отдает предпочтение качествам, которые обретает индивид по рождению. Являясь членом высшего социального сословия российского общества, которое осуществляло свою жизнедеятельность в значительной части в виде самоорганизации, именуемой обычно дворянским самоуправлением, К.Н. Леонтьев прозорливо предупреждает о возможном рабстве. Под рабством он понимает доминанту общественных форм организации жизни: «Быть может, явится рабство своего рода, рабство в новой форме, вероятно, – в виде жесточайшего подчинения лиц мелким и крупным общинам, а общин государству»[1]. Практика последующего развития России подтвердила, что государство подчинило не только общины, но и отдельного индивида. Автор озабочен грядущим, трактуя социализм как социальную закономерность, и отрицает возможность достижения общего блага и гармонии в будущем.

С изменением исторической эпохи, социально-политического устройства общества изменяется и представление о природе и сущности человеческих качеств индивидов. Однофамилец ученого А.Н. Леонтьев считает: «Человек не рождается наделенным историческими достижениями человечества. Достижения развития человеческих поколений воплощены не в нем, не в его природных задатках, а в окружающем его мире – в великих творениях человеческой культуры. Только в результате процесса присвоения человеком этих достижений, осуществляющегося в ходе его жизни, он приобретает подлинно человеческие свойства и способности; процесс этот как бы ставит его на плечи предшествующих поколений и высоко возносит над всем животным миром»[2]. Такая позиция является типичной для исследователя, живущего в обществе, где господствует идеология марксизма. Признание доминанты общественной составляющей в развитии индивида с необходимостью обусловливает объяснение

[1] *Леонтьев К.Н.* Проблемы развития психики. М., 1965. С. 337.
[2] *Леонтьев А.Н.* Записки отшельника. М., 1992. С. 421.

человеческих свойств через их идентификацию с социальными качествами индивида.

Согласно марксизму, без природной составляющей нет и социальной. Объяснение человеческих качеств через общественные основания является более высокой точкой человеческого знания, чем биологическое толкование этого явления. Но марксизму не удается избежать отвержения генетических и духовных человеческих начал, которые объективно возникают в недрах биологической и социальной составляющей и латентно существуют весь период доминанты общественных отношений. К.Н. Леонтьев связывает человеческие качества с благородством родословной, то есть биологической исключительностью, а А.Н. Леонтьев отождествляет социальные и человеческие свойства, являясь представителем другой общественной системы. И каждый из них допускает ошибку когнитивного порядка, так как ограничивает организацию жизни человека рамками природных или социальных взаимосвязей.

Все попытки предложить более совершенные формы организации человеческого бытия в парадигме биосоциальных отношений не дают результата. Даже укрепление гуманистических принципов – заботы о правах человека, осуждение жестокости к людям, животным и т. д. – не имеют статуса безусловности. Да, публичная казнь в цивилизованных государствах, в культурном обществе не приветствуется, умерщвление даже по закону ставится под сомнение и в ряде стран недопустимо. Вместе с тем масштаб и техническая вооруженность уничтожения человека значительно расширились. Процесс «наказания» одного государства другими в современном мире становится все более традиционным, с соответствующими экономическими санкциями и последующим военным насилием. А насилие по своей сущности неизменно, независимо от того в диком или цивилизованном обществе оно осуществляется.

Многочисленные примеры жестокости в жизни первобытных коллективов наводят на мысль, что «… мораль и нравственность должны были пройти столь же долгий путь эволюции, как и сами социальные системы человека, чтобы идеи добра, гуманизма и справедливости стали хотя и недостижимым в полной мере, но, по крайней мере, провозглашенным во всеуслышание идеалом жизни общества»[1]. Безусловно, варвар, спасая соплеменников путем уничтожения врагов, совершает добро; социальный индивид, выражая интересы своих сограждан путем отчуждения труда у других социальных групп, государств, также совершает добро. Но поскольку варвар и социальный инди-

[1] *Панов Е.Н.* Бегство от одиночества. Индивидуальное и коллективное в природе и в человеческом обществе. М., 2001. С. 562.

вид совершают добро (которое носит относительный характер) то, следовательно, им присущи качества человека. Однако только индивид, творящий добро в своем абсолютном выражении, т. е. не отчуждающий и не уничтожающий, становится собственно человеком. Поэтому, признавая человеческую составляющую, наряду с естественной и социальной, можно выйти из тупиков современной практики человечества.

Абсолютная власть конкретного правителя не может быть бесконечной в силу конечности его естественного существования. Абсолютная власть в конкретном обществе становится невозможной при доминанте человеческой составляющей в нем, так как социальные отношения становятся явлениями второго порядка. Мысль, что человек имеет право на пользование благами цивилизации, свободу самоопределения, которые являются прирожденными и неотчуждаемыми, высказывается несколько последних столетий. Однако опыт прошедших тысячелетий существования биосоциальных систем не имеет такой практики. Ложность постановки вопроса состоит в том, что свободное самоопределение не может быть прирожденным. Так, при доминанте естественных взаимосвязей даже право на жизнь индивид имеет лишь только в представлении своего рода, общины, за пределами этой биосоциальной системы это право условно. При доминанте социальных отношений только в XX в. мысль о праве на жизнь возобладала в декларациях человечества, но в реальной практике ее разделяет меньшая часть человечества, не говоря уже о пользовании благами цивилизации. Свобода самоопределения, реализации воли индивида соотносима с наличием доминанты *человеческой* составляющей, то есть ее определяют не естественные и социальные связи, а человеческие отношения.

В практике современного человечества очевидны две тенденции. Тенденция развития социальности связана с расширением масштабов навязывания воли, насилия и обусловлена объективным процессом совершенствования управления в каждой из социальных систем и планеты в целом. Гуманистическая тенденция обусловлена развитием человеческих начал в обществах, индивидах и перспективностью организации их жизни в формах самоуправления. Однако пока мир человечества трактуется как биосоциальное явление, управление будет восприниматься как единственный тип организации жизни людей, что далеко от истины.

Рассмотрение власти и управления в рамках социальных отношений, а самоуправления – как качественно иного вида форм организации жизни людей в рамках человеческих взаимосвязей позволяет преодолеть трудности когнитивного характера. Становится очевидным, что власть, управление – явления социального порядка,

которых в период господства естественных или общинно-родовых взаимосвязей как основных форм обустройства жизни не существует. Предлагаемая антропогностика позволяет уяснить исчерпаемость или конечность доминанты управления как условия развития человечества и преодолеть представления о том, что самоуправление возможно при доминанте естественных и социальных взаимосвязей.